ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (о коллективной монографии «Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России»)

А.Н. Демьяненко

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

Аннотация. В работе представлена рецензия на коллективную монографию «Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России», вышедшую в издательстве «Новый хронограф» в 2016 г. К несомненным достоинствам рецензируемой монографии следует отнести то, что она опирается на оригинальную исследовательскую программу, позволяющую не только описать, но и объяснить региональные варианты пространственной мобильности населения России. Среди основных положений программы можно выделить: мобильность населения отражает состояние общества, тогда как миграции служат ее конкретным воплощением; факторы пространственной мобильности и ее потоки зависят от стадии развития общества, текущих и притом географически дифференцированных экономических, политических, институциональных условий; деление на возвратные и безвозвратные миграции. Основное содержание представлено в трех частях. Безусловным достоинством монографии является преемственность с предыдущими работами авторского коллектива и использование результатов экспедиционных исследований 2014–2016 гг.

Ключевые слова: пространственная мобильность населения, отходничество, дачный феномен, сельско-городской континуум

Для цитирования: Демьяненко А.Н. Пространственная мобильность населения России (о коллективной монографии «Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России») // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 174–187. DOI: [10.14530/se.2017.2.174-187](https://doi.org/10.14530/se.2017.2.174-187).

For citation: Demyanenko A.N. Geographic Mobility of Population in Russia (The Review of the Monograph 'Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia') *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2017, no. 2, pp. 174–187. DOI: [10.14530/se.2017.2.174-187](https://doi.org/10.14530/se.2017.2.174-187). (In Russian).

В конце 2016 г. в свет вышла коллективная монография под интригующим названием «Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России» (Между домом..., 2016). Ее авторы – К.В. Аверкиева, Е.В. Антонов, П.Л. Кириллов, А.Г. Махрова, А.А. Медведев, А.С. Неретин, Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш – сотрудники Института географии РАН и географического факультета МГУ. Одни из них имеют уже давно сложившуюся репутацию в научном сообщества, другие находятся в начале пути. Это обстоятельство не могло не сказаться: содержание отдельных частей неравноценно, но это представляется несущественным, так как в итоге читатель получил качественный продукт.

Сразу возникает законный вопрос: на какого читателя рассчитана рецензируемая монография? В аннотации сказано, что «книга предназначена для всех, кто интересуется историей и современностью России, ее географией и социально-культурными процессами». Эта книга будет полезна не только географам, но и «смежникам» (экономистам, социологам, демографам), которые интересуются таким многоаспектным феноменом, как пространственная мобильность населения. Более того, можно предположить, что ряд идей и вполне конкретных результатов могли бы заинтересовать и тех, кто причастен к разработке и реализации различных планов, программ, стратегий, направленных на развитие тех или иных местностей России.

В соответствии с законами жанра коротко остановимся на целях и структуре рассматриваемой монографии.

В исследовательский фокус авторов помещен крайне сложный и противоречивый объект – возвратная пространственная мобильность населения в России. При этом Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш уже во введении формулируют ряд положений, которые, возможно, и в неявном виде формируют научно-исследовательскую программу:

- «...понятие «мобильность населения» отражает некоторое состояние общества, тогда как миграции служат ее конкретным воплощением»;
- «факторы пространственной мобильности и ее потоки помимо личных целей и обстоятельств зависят от стадии развития общества, текущих и притом географически дифференцированных экономических, политических, институциональных условий»;
- «...деление на возвратные и безвозвратные миграции служит ключевым для данной книги...» (Между домом..., 2016, с. 11).

Что же касается основной цели, или, как сказано в тексте, «задачи», то авторы видят ее в «анализе выталкивающих и притягивающих факторов трудовой миграции, взаимосвязи между главными городами и агломерациями с одной стороны, а с другой – небольшими городами и сельской местностью» (Между домом..., 2016, с. 12). Как отмечают Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш,

«...нас особенно интересовали пространственные различия в распространении внутрироссийской трудовой и дачной мобильности, ее социально-экономические причины, основные направления потоков между разнотудаленными местами жизни, работы и отдыха» (Между домом..., 2016, с. 15).

При этом для авторов принципиально важно выявить, описать и по возможности понять те или иные аспекты пространственной мобильности населения. Авторы, будучи профессиональными географами, не стремятся быть еще и прогнозистами, хотя время от времени они все-таки по тем или иным конкретным случаям высказывают свои предположения относительно будущих состояний тех или иных территориальных систем.

Здесь невольно вспоминаются предшествующие работы авторов данной монографии, в которых исследовались те или иные аспекты и трудовых миграций, и феномена российских дач (Нефедова, 2016; Путешествие..., 2015а; Путешествие..., 2015b; Трейвиш, 2009; Трейвиш, 2016). Рецензируемое издание не перепев уже знакомых мелодий, а их развитие.

Помимо введения в монографии выделены три части: «Урбанизация, мобильность и сельско-городской континуум», «В город за работой» и «Из города за отдыхом».

В первой части сначала анализируются российская урбанизация и мобильность населения, а затем следует рассмотрение сельско-городского континуума (СГК) в контексте пространственной мобильности населения России. Обратим внимание читателя на то, что Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш рассматривают урбанизацию и дезурбанизацию как двуединый процесс, в ходе которого «они перетекают друг в друга в ходе эволюции и по-своему сочетаются в каждый момент в каждом месте» (Между домом..., 2016, с. 21). Искушенный читатель может сказать: ну и что тут нового? В качестве нового следует отметить подход, в котором урбанизация и дезурбанизация рассматриваются как «равноправные» процессы, в которых термин «дезурбанизация» не сопровождается негативной коннотацией.

И чтобы понять, как в ходе эволюции урбанизации и дезурбанизации взаимодействуют в «конкретном месте», Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш используют традиционный метод – районирование (правда, этот термин они не используют), выделяя «10 макрорегионов с принципиально разными направлениями миграции» (Между домом..., 2016, с. 30)¹.

¹ Аргументация, приведенная авторами, весьма показательна: «Чтобы понять, как распределялись в нем [т. е. в пространстве] потоки официально зарегистрированных мигрантов в города и из них, пришлось отказаться от стандартной сетки федеральных округов» (Между домом..., 2016, с. 30). Здесь не совсем уместно анализировать критерии выделения регионов, как и саму сетку макрорегионов, но пройти мимо макрорегиона Москва и Московская область все-таки трудно. Как-то сложно понять регион, состоящий из двух территориально разобщенных частей. Может быть, все-таки следует рассматривать два макрорегиона, а не один?

Что же авторы получили в «сухом остатке», анализируя безвозвратные миграции в постсоветский период истории России? Оказывается, что имеет место «...прогрессирующее сжатие освоенного пространства России» (Между домом..., 2016, с. 39). Метафора «сжатие российского пространства», увы, насколько популярна, настолько и малосодержательна. Наверное, все-таки речь идет не о сжатии (не очень понятно, кто и что сжимает), а о том, что происходит трансформация систем расселения, причем трансформация эта определяется сочетанием процессов урбанизации и дезурбанизации.

Более интересным в содержательном плане представляется рецензенту следующий вывод: «Два потока – центростремительный трудовой с нижних этажей системы поселений и центробежный дачный с верхних – взаимосвязаны. Массовость дачных миграций и редкость переселения горожан в сельскую местность, их слабая приживаемость там (хотя рабочие места они иногда создают) стимулируют отход местных жителей на заработки. А он, удерживая семьи работников в деревне и продлевая ее жизнь, зачастую способствует закреплению ее дачного характера» (Между домом..., 2016, с. 39).

Обратим внимание на результаты, полученные в ходе исследования мобильности населения в СГК. Наиболее существенен из них тот, который А.И. Трейвиш сформулировал так: «В виде заключения с прикладным контекстом отметим проблемы управления, особенно территориального, которому, надо признать, чужда и неудобна сама идея СГК, как и пространственно мобильного населения. ...Все социальные и административные показатели, задачи и нормы рассчитаны на цифры постоянные, хотя это сплошь и рядом всего лишь статистическая фикция» (Между домом..., 2016, с. 57).

В целом рецензент согласен с мнением коллеги, может быть за одним исключением: наверное, речь должна идти не о «статистической фикции», а о «статистических агрегатах». Хотя нельзя не согласиться с тем, что далеко не всегда «цифры», которыми оперируют в органах регионального управления, в должной мере характеризуют те или иные социальные и экономические процессы в том или ином регионе. Где выход? Проводить полевые исследования, что с успехом и делают авторы рецензируемой коллективной монографии.

Вторая часть посвящена эволюции «отходничества» и современному ее состоянию в России. Оставим дореволюционное отходничество специалистам по экономической истории России, ограничившись лишь одним замечанием. Утверждения «Крестьяне, уходя в отход, совершенно забрасывали земледелие или вваливали его на женщин» (Между домом..., 2016, с. 63) и «В Сибири аграрная колонизация в XIX в. уступает место неземледельческому отходу» (Между домом..., 2016, с. 68) звучат излишне категорично.

Что же касается главного отличия современного отходничества, то и оно грешит излишней категоричностью. Дело в том, что в «отход» в дореволю-

ционной России отправлялись не только жители сел и деревень (хотя в тогдашней России, аграрной по преимуществу, они составляли большинство). В отход уходили и городские жители, и движение это было связано с тем, что были и есть сезонные виды деятельности (путина, пушной промысел, работа на золотых приисках, строительство и т. п.), которые были привлекательны не только для сельского населения. Если современное отходничество отличается от дореволюционного, тогда чем?

Вслед за Т.Г. Нефедовой перейдем к рассмотрению феномена современного отходничества в России, признавая справедливость утверждения: «В общем, определение числа современных отходников и тем более реальная география и типология отходничества требуют сочетания анализа разнообразной официальной статистической информации с детальным обследованием отдельных городов и сельских поселений» (Между домом..., 2016, с. 77).

Автор выделяет еще два отличия современного отходничества: «Первое состоит в том, что современный отход наиболее активного населения идет не только и даже не столько из мест с избытком трудовых ресурсов, но и из мест с их дефицитом. Второе отличие проявляется в отсутствии интереса к земледельческому отходу, этим видом работ в основном занимаются иностранные рабочие из бывших советских республик, составляющие конкуренцию российским отходникам» (Между домом..., 2016, с. 79).

Сочетание указанных выше методов дает основание автору для ряда интересных выводов:

- «в общей массе отходников преобладают люди средних возрастов. Современная молодежь предпочитает уезжать в город безвозвратно»;
- «...83% всех отходников – мужчины, в отличие от маятниковых мигрантов, среди которых мужчин только 61%» (Между домом..., 2016, с. 78);
- «примерно 30% гастарбайтеров работали «бок о бок с россиянами», прежде всего с внутренними трудовыми мигрантами» (Между домом..., 2016, с. 82).

Наибольший интерес представляет заключительный вывод автора: «Все эти процессы во многом связаны со спецификой организации пространства России, его очень сильной социально-экономической поляризацией» (Между домом..., 2016, с. 84).

Наверное, так оно и есть. Но очень хотелось бы понять, о каком пространстве идет речь? О географическом, экономическом, социальном или каком-либо еще? И еще один вопрос: что такое социально-экономическая поляризация?

Конечно, читатель вправе упрекнуть рецензента в том, что он «цепляется к словам». Заранее принимая этот упрек, отметим: имея дело с научным текстом, читатель вправе ожидать, что «слова» выражают какой-то смысл.

Попробуем найти ответы на поставленные выше вопросы в самом тексте. Обратим внимание на следующее: «...все более явно проявляется закономерность: чем меньше город, тем выше вероятность его экономической и социально-демографической депрессии» (Между домом..., 2016, с. 84). А может быть, дело не в размере городов? Может быть, дело в том, что малых городов просто больше, чем городов больших?

Далее Т.Г. Нефедова приходит к заключению: «Кроме размера города и его специализации, важным фактором относительного благополучия¹ служит его положение по отношению к крупнейшим центрам. Среди депрессивных городов большая часть – это удаленные от региональных центров малые города» (Между домом..., 2016, с. 87). Очевидно, здесь было бы уместно развести понятия: крупнейшие экономические центры – это одно, а региональные центры, т. е. столицы субъектов РФ, – это другое.

И еще одно суждение, на которое есть смысл обратить внимание: «...сильная поляризация городов только подстегивает стремление населения как к переходу на постоянное место жительства, так и к поездкам на работу в крупные центры и их агломерации и пролонгирует в современных российских условиях крупногородскую стадию урбанизации» (Между домом..., 2016, с. 88).

Но при этом остается открытым вопрос: что стимулирует пространственную мобильность населения? Ответ на него, хотя и неявно, сформулирован следующим образом: «после советского дефицита трудовых ресурсов в современных условиях обнаружили излишки трудоспособного сельского населения из-за сокращения занятости в разных регионах, хотя и по различным причинам. Это активизировало урбанизацию и трудовую мобильность населения» (Между домом..., 2016, с. 95).

Но есть и другие причины, которые также стали проявляться в постсоветский период российской истории. В частности, если в советский период «многоцелевые поездки в мегаполисы вносили социокультурное разнообразие в жизнь провинциалов», то в настоящее время «центры нужны им не для того, чтобы тратить, а чтобы зарабатывать, к чему и прибегает самая активная часть провинциального сообщества». При этом «люди едут работать в центры не только из тех мест, где нет работы на месте, но из тех мест, где есть незаполненные рабочие места» (Между домом..., 2016, с. 97).

Следовательно, можно предположить, что для мест выхода характерно несоответствие между спросом и предложением на рынке труда, что, в свою очередь, является отражением структурных диспропорций в экономиках ре-

¹ И опять «слова», которые, уже в силу того, что их отличает многообразие смыслов, требуют пояснений. В данном случае имеется в виду пояснение к слову «благополучие», используемому при характеристике города. Оно может иметь отношение к доходам населения, уровню доступности услуг образования и здравоохранения или к темпам роста экономики города, уровню безработицы и т. п.

гионов исхода отходников. И при этом возникает ситуация, когда отходники в крупных экономических центрах получают доходы заметно выше, чем у себя на родине, занимают те ниши на рынке труда, которые по тем или иным причинам непривлекательны для жителей центров.

По мнению Т.Г. Нефедовой, отходничество в том виде, в котором оно существует в настоящее время, есть зло. Именно так можно трактовать следующее утверждение: «Сам факт отходничества, приводящий к потерям на значительной территории самой работоспособной части населения, только усиливает поляризацию пространства» (Между домом..., 2016, с. 101)¹.

И здесь невольно возникает аналогия с многолетними дискуссиями на тему о дифференциации экономического пространства. И в том и в другом случае возникает вопрос: а можно ли отменить поляризацию и дифференциацию экономического пространства? Другое дело – поиск пороговых значений, за которыми может последовать фрагментация экономического пространства со всеми сопутствующими негативными последствиями и для экономики, и для общества в целом (Минакир, 2008).

Можно поставить вопрос шире – каким образом и используя какие инструменты можно воздействовать на пространственную мобильность населения, и в том числе на отходничество? Из того, что предлагают авторы монографии, можно выделить: а) развитие малого предпринимательства в районах выхода и б) инфраструктурное обеспечение территории в районах выхода.

Оба предложения имеют право на существование. Правда, не все здесь просто: «Во многом недостаточное развитие малого предпринимательства связано с общими институциональными и административными барьерами...» (Между домом..., 2016, с. 98). И с этим трудно не согласиться. Но тогда вопрос, что делать с отходничеством, остается открытым.

Остановимся на еще одном сюжете, который обозначен Т.Г. Нефедовой как «Векторы современных трудовых миграций». Прежде всего зафиксируем, что анализ пространственных вариаций отходничества автором осуществляется в связи с потоками иностранных рабочих и россиян, переезжающих на постоянное место жительства.

После определения потоков трудовых мигрантов автор переходит к исследованию еще одного аспекта проблемы пространственной мобильности населения – изменения привлекательности городов разного размера в разрезе десяти выделенных ранее макрорегионов. Это позволяет показать своеобразие отдельных регионов, что само по себе крайне интересно.

Остановимся на одном очень показательном сюжете. «В пригородных

¹ Хотя ниже в явном виде прослеживается мысль, что если это и зло, то вынужденное, а зачастую один из немногих механизмов адаптации населения к неблагоприятной экономической и социальной ситуации.

Московской и Ленинградской областях почти все города, даже малые, оставались привлекательными для переезда населения на ПМЖ» (Между домом..., 2016, с. 170). О чем этот факт свидетельствует? Да скорее всего о том, что уровень доходов населения и качество жизни в пределах этих двух столичных агломераций качественно отличны от других регионов РФ.

Далее читателю вновь предлагают посмотреть на трудовую мобильность населения России, но уже по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. Автор главы 2.6. – Е.В. Антонов – предлагает свою сетку, но уже не макрорегионов, а зон. Почему и зачем исследование трудовой мобильности требует особой системы делимитации пространства, автор не объясняет.

Не очень понятным остается предложение того же автора в главе 2.7 – отказаться от тех зон, которые были выделены в предшествующей главе, и предложить еще одно деление – на Европейскую и Азиатскую Россию. И все было бы хорошо, но Сибирь, Дальний Восток и отчасти Урал обладают настолько высоким уровнем внутрорегиональной дифференциации, что судить о трудовой мобильности в этих регионах без ее учета крайне опасно.

Еще один вывод, который вызывает в памяти слоган «размер имеет значение»: «...в трудовых миграциях в азиатской части России большую роль играют именно ближние, внутрорегиональные миграции» (Между домом..., 2016, с. 201). Но «ближние» миграции в Европейской России – это одно, а в Азиатской – другое.

Далее следует глава 2.8., в которой А.Г. Махрова и П.Л. Кириллов рассматривают на примере Московской агломерации особенности маятниковых трудовых миграций. Здесь немало интересных фактов и суждений, и, наверное, многие из них следовало бы сопоставить с ситуацией, сложившейся в других городских агломерациях. Так, например, было бы крайне интересно узнать, в какой мере вывод о том, что «...территории ближних пригородов окончательно интегрировались с ядром агломерации, а ряд городов в связи с пространственным развитием столицы оказался более включенным в ее структуру, чем отдельные районы самой Москвы» (Между домом..., 2016, с. 220), справедлив, скажем, для агломераций городов-миллионников.

В то же время не совсем понятно, почему маятниковая миграция в столичной агломерации – «явление вынужденное», «реакция на пространственно-временные пропорции (вернее даже диспропорции), присущие городским агломерациям» (Между домом..., 2016, с. 240). Неужели авторы предполагают ситуацию, когда факторы, в настоящее время стимулирующие маятниковую миграцию (различие в доходах жителей Москвы и Подмосковья, разрыв в ценах на жилье между Москвой и областью), могут быть преодолены полностью и окончательно?

Вслед за Москвой настал черед сельской местности Черноземной и Не-

черноземной России, то есть главы 2.9, автор которой К.В. Аверкиева, опираясь на результаты полевых исследований, ищет ответ на вопрос: как найти работу в сельской местности упомянутых выше регионов.

И здесь сразу же возникает вполне законный вопрос: каким образом была сформирована выборка? Упоминание о том, что «суммарно в 35 сельских поселениях 13 муниципальных районов пяти регионов были проведены 128 интервью с сотрудниками администраций муниципальных районов и сельских поселений, с основными работодателями и непосредственно сельскими жителями» (Между домом..., 2016, с. 245), мало что проясняет.

Не совсем понятно и то, каким образом К.В. Аверкиева описывает рынок труда и в Черноземье, и в Нечерноземье. Понять, на основании каких критериев и с какой целью выделены те или иные группы населения, наверное, можно, но трудно. И здесь невольно вспоминается: более ста лет как установилась практика выделять в среде отходников те или иные группы, исходя из их профессиональной принадлежности, образования, семейного положения, районов выхода, наконец, из того, осуществляется трудовая миграция в организованном порядке (по контракту) или нет (Отчет..., 1913). И есть еще одно крайне важное обстоятельство: всякие суждения относительно рынка труда требуют анализа цены труда. А вот такого анализа практически нет, а жаль.

Что же касается итогов, то К.В. Аверкиева к таковым относит: «Одним из путей решения проблемы сельской занятости является развитие фермерства и малого предпринимательства, но к таким шагам большинство сельского населения пока не готово» (Между домом..., 2016, с. 263). Скорее всего, это так и есть, но было бы интересно понять: почему не готово? Почему сто лет назад было готово, хотя и не везде, а сейчас – нет?

Есть еще один вывод, на котором следует остановиться: «...невысокая роль занятости в сельском хозяйстве, что явно свидетельствует о том, что сельское население перестало быть аграрным» (Между домом..., 2016, с. 263). Так ли это? А как быть с личными подсобными хозяйствами (ЛПХ)? Занятость в них не есть ли занятость в сельском хозяйстве? А не являются ли «товарные ЛПХ» по факту фермерскими хозяйствами, которые могли стать таковыми при определенных условиях? Конечно, последние десятилетия существенным образом изменили сельскую экономику, она действительно перестала быть исключительно аграрной, но она не перестала быть в своей основе аграрной.

И завершает тему сюжет об отходничестве в Москву из Ставропольского края. Прежде всего, Т.Г. Нефедова, автор главы 2.10, отмечает, что «...главные отличия Юга от Нечерноземья, помимо природных условий – лучший человеческий капитал и иная система расселения» (Между домом..., 2016, с. 266).

Но для начала напомним, что Юг (судя по контексту, это макрорегион «Рав-

нинный Юг Европейской России»). А теперь о главном, о человеческом капитале. Наверное, так оно и есть – на Юге он лучше. При этом очень хотелось бы понять: каким образом этот самый человеческий капитал был измерен.

Другое положение, на которое стоит обратить внимание: «Отходничество во многом пересекается с понятием неформальной занятости, хотя часть отходников может работать вполне легально. Само понятие неформальной занятости расплывчато, хотя это мощный сегмент российского рынка труда. ...Это сильно затрудняет исследование отходничества на юге России» (Между домом..., 2016, с. 267).

Опираясь на результаты своих полевых исследований, автор приходит к выводу: «Несмотря на то, что человеческий капитал здесь сохранен лучше... русскому населению крупных сел и станиц, привыкшему к наемному труду в благополучных колхозах, было трудно начать свое дело в современных институциональных условиях ...Выходом из безденежья стал переход к самообеспечению на своих приусадебных участках либо отход на заработки» (Между домом..., 2016, с. 274).

Однако Т.Г. Нефедова считает, что отходничество хотя и «стало одним из стабилизаторов на рынке труда в монофункциональных населенных пунктах», тем не менее «в малых и средних городах распространение отходничества может способствовать возникновению дефицита работников, особенно для вакансий с низкой оплатой» (Между домом..., 2016, с. 277).

Третья часть рассматриваемой монографии полностью посвящена исследованию пространственной мобильности, имеющей центробежный характер, то есть из городов в сельскую местность.

В главе 3.1 «Дачи, дачники и дачеведение» А.И. Трейвиш достаточно подробно рассматривает как сам феномен дачи, т. е. второго временного обитаемого дома, так и особенности его исследования. И здесь принципиально важной является позиция автора: «Вместе с теми факторами-аттракторами, которые принято считать объективными, на массовость и поведение дачников влияют традиции, менталитет, явные и неявные установки» (Между домом..., 2016, с. 286). Поэтому вовсе не случаен в главе 3.1 параграф «Философия дачной жизни», в котором при рассмотрении дачных ценностей А.И. Трейвиш приходит к выводу, имеющему немалую научную и практическую ценность: «Каждый резон (ценность) в отдельности нетрудно воплотить в другом, не дачном русле, а вместе все резоны формируют устойчивую дачную модель бытия и мышления» (Между домом..., 2016, с. 290).

Представляет интерес и предлагаемая А.И. Трейвишем типология дачных районов, в соответствии с которой все многообразие пространственных форм дачной жизни можно свести к трем типам: рурально-периферийный, курортный и пригородный.

И если глава 3.1 о дачах как таковых, то следующая глава о дачах в России. При этом автор этой главы Т.Г. Нефедова рассматривает дачный феномен уже под несколько иным ракурсом: изменение поведения дачников по мере удаления дач от центра городской агломерации (по большей части от Москвы). Поэтому здесь появляются три типа дач: ближние, среднеудаленные и дальние дачи.

Интересны детали дачной жизни, которые дает Т.Г. Нефедова: «...дачники вблизи городов отгорожены от сельского населения и физически (высокими заборами), и психологически (практически не общаются с местными жителями). ...В отличие от дачников в пригородах, в глубинке жители крупных городов чувствуют себя своеобразной диаспорой и стараются поддерживать друг друга» (Между домом..., 2016, с. 312–315).

Следует обратить внимание читателя на те выводы, к которым приходит Т.Г. Нефедова, анализируя ситуацию с дачами в России: «растущая потребность в дальней даче со стороны горожан, а не восстановление огромных площадей распахки в тайге или прочие грандиозные проекты в обезлюдивших местах, с большей вероятностью могут спасти небольшие деревни» (Между домом..., 2016, с. 315). Добавим: далеко не все, а лишь те, которые обладают реальными источниками конкурентных преимуществ (уникальные природные ландшафты и т. п.)¹. «В пригородах можно говорить о первых признаках постиндустриального сервисного развития сельской местности при всей ее российской специфике...» (Между домом..., 2016, с. 316).

Следующая глава 3.3, авторы которой А.Г. Махрова, А.А. Медведев и Т.Г. Нефедова, посвящена методам изучения дач и результатам их применения. Что касается методов, то, пожалуй, следует согласиться с мнением авторов этой главы, что «исследовать внутрирегиональное распределение дачно-садово-огородных товариществ и коттеджных поселков можно лишь на примере ключевых регионов, совмещая анализ статистических данных с визуальным обследованием и интервьюированием представителей региональных администраций» (Между домом..., 2016, с. 325). Не совсем понятно, почему интервьюировать следует представителей региональных администраций, а самих дачников и местных жителей не надо интервьюировать?

В качестве результатов можно рассматривать зависимость «...москвичи используют дачу прежде всего для отдыха. Однако жители городов с численностью до 250 тыс. чел. уже рассматривают дачный участок в качестве источника обеспечения семьи продуктами (правда наравне с отдыхом), а в городах с населением менее 50 тыс. чел. аграрная функция выходит на

¹ Справедливости ради отметим, что отдают себе отчет в этом и авторы монографии, о чем свидетельствует следующий фрагмент монографии: «Встречное движение горожан... не ведет к возрождению всей сельской местности и, главное, хозяйства» (Между домом..., 2016, с. 402).

первое место» (Между домом..., 2016, с. 328); утверждение о том, что «за пределами официальных населенных пунктов уже давно сформировалась невидимая статистикой параллельная сеть расселения с пульсирующим населением, причем в районах с сельской депопуляцией эти бесстатусные поселки порой превышают по числу обитателей численность окружающих сел и деревень» (Между домом..., 2016, с. 374).

В главе 3.8 Т.Г. Нефедова анализирует «сельский дауншифтинг» и приходит к заключению: «В целом дауншифтинг гораздо менее распространен, чем дачное движение. ... Многие дауншифтеры тесно связаны с городами, не столько с районными центрами, сколько с Москвой или Санкт-Петербургом, где остались их родственники» (Между домом..., 2016, с. 408).

В этой главе многое интересно. Но приведем лишь одно наблюдение автора: «Горожане подходят к любым делам творчески, применяют новые технологии, осваивают новые виды продуктов. Все это нарушает привычный стиль жизни в деревне и вызывает глухое противодействие не только чиновников, но и местного населения» (Между домом..., 2016, с. 408).

Если предшествующие главы имели отношение к рурально-периферийному и пригородному типу дачных районов, то в заключительной главе третьей части речь идет о дачах на курортах. Точнее, о курортных районах, для которых специфичным является то, что «часть домов в садовых товариществах и коттеджных поселках в наиболее привлекательных местах... используется для сдачи туристам и отдыхающим. Вместе с арендой домов в частном секторе это создает мощный рынок рекреационного жилья, который оказывает влияние и на самих дачников» (Между домом..., 2016, с. 419).

В «Заключении» Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш отвечают на поставленный ими же вопрос: «Кому и зачем нужно знать о возвратной пространственной мобильности населения?». Кому? Ответ лежит на поверхности: органам власти и управления, прежде всего регионального уровня. Но и тут следует согласиться с авторами: «современным властям чужды и неудобны как факты, так и идеи пространственной мобильности населения, равно как и сложных, гибридных, пульсирующих форм расселения» (Между домом..., 2016, с. 442). Зачем? Вслед за авторами повторим: «Для нынешней России характерны два мощных встречных потока мигрантов: центростремительный на постоянное место жительства и на временную работу той или иной длительности из сельской местности и центробежный поток из больших городов на дачи с сезонным или недельным ритмом» (Между домом..., 2016, с. 437).

Рецензируемая монография безусловно будет интересна широкому кругу читателей, всем, кто интересуется историей и современностью России, ее географией и социально-культурными процессами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с. URL: <http://ekonom.igras.ru/data/bhah2016.pdf> (дата обращения: апрель 2017).
- Минакир П.А. Мнимые и реальные диспропорции экономического пространства // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 5–18.
- Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. М.: ЛЕНАНД, 2013. 456 с.
- Отчет Приморского Справочного Бюро по рабочему вопросу за 1912 год // Материалы по изучению Приамурского края. Вып. XV. Хабаровск, 1913. 356 с.
- Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / сост. и науч. ред. Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш. М.: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.
- Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 2. Путешествие из Петербурга в Москву в XXI веке (по итогам экспедиции 2013 года) / сост. и науч. ред. Т.Г. Нефедова, К.В. Аверкиева. М.: ЛЕНАНД, 2015. 352 с.
- Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.
- Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: региональное измерение // Проблемы регионального развития России / отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. М.: Кодекс, 2016. С. 51–71.

GEOGRAPHIC MOBILITY OF POPULATION IN RUSSIA (The Review of the Monograph ‘Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia’)

A.N. Demyanenko

Alexander Nikolaevich Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher. Economic Research Institute FEB RAS, 153, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

Abstract. The paper is reviewing the monograph ‘Between Home and... Home. The return spatial mobility of population in Russia’, printed by the ‘Novyy Khronograf’ publisher in 2016. Among the unquestionable merits of the monograph is the fact that it relies on an original research program which seeks not only to describe but also to explain regional variation of spatial mobility of population in Russia. The main provisions of the program include the following: the mobility of population reflects a certain state of society, while migration serves as mobility’s concrete manifestation; factors of spatial mobility and its flows depend on the society’s stage of development – current, geographically differentiated economic, political, and institutional conditions; separation of return and one-way migration. The main content is presented in three parts. The first part covers Russian urbanization and population mobility, rural-urban continuum in the context of Russian population’s spatial mobility. The second part covers the evolution of ‘otkhodnichestvo’ and its contemporary state in Russia. The third part covers spatial mobility of centrifugal nature (out of the cities to the country). A merit of the monograph is its continuity with the authors’ previous works and the use of results of their 2014–2016 expeditions.

Keywords: spatial mobility of population, otkhodnichestvo, dacha phenomenon, rural-urban continuum

REFERENCES

- Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia.* Edited by T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Makhrova. Moscow, 2016, 504 p. Available at: <http://ekonom.igras.ru/data/bhah2016.pdf> (accessed April 2017). (In Russian).
- Journey from St. Petersburg to Moscow: 222 Years Later. Book 1. Two Centuries of Russian History between Moscow and St. Petersburg.* Edited by T.G. Nefedova, A.I. Treivish. Moscow, 2015, 240 p. (In Russian).
- Journey from St. Petersburg to Moscow: 222 Years Later. Book 2. Journey from St. Petersburg to Moscow in the Twenty-First Century (According to the Results of the Expedition 2013).* Edited by T.G. Nefedova, A.I. Treivish. Moscow, 2015, 352 p. (In Russian).
- Minakir P.A. The Seeming and Real Disproportions of Economic Space. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2008, no. 4, pp. 5–18. (In Russian).
- Nefedova T.G. *Ten Pressing Questions about Rural Russia.* Moscow, 2013, 456 p. (In Russian).
- Seaside Information Desk Report on the Labor Question for 1912. *Materials for the Study of the Amur Region*, vol. XV, Khabarovsk, 1913, 356 p. (In Russian).
- Treivish A.I. *City, Area, Country and the World. Development of Russia by Eyes of Researcher.* Moscow, 2009, 372 p. (In Russian).
- Treivish A.I. The Rural-Urban Continuum: Regional Dimensions. *Problems of Regional Development of Russia.* Edited by V.M. Kotlyakov, V.N. Streletskiy, O.B. Glezer, S.G. Safronov. Moscow, 2016, pp. 51–71. (In Russian).